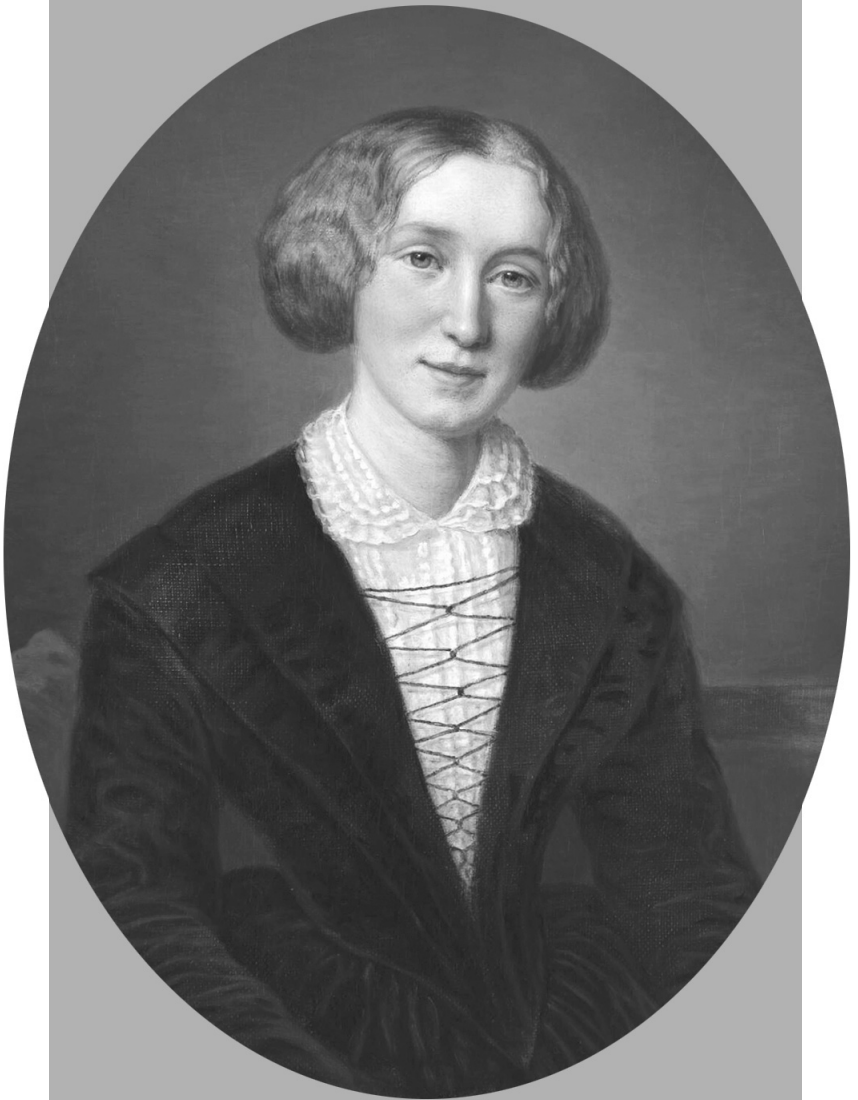

Элегантная классика

Мидлмарч.

Том 2

Джордж
Элиот

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э46

George Eliot
MIDDLEMARCH. VOLUME 2

Перевод с английского *Екатерины Коротковой*

Примечания *Ирины Гуровой*

Оформление серии *Яны Паламарчук*

Художественное оформление серии
Натальи Каптыжиной

Элиот, Джордж.
Э46 Мидлмарч. Том 2 / Джордж Элиот ; [перевод с английского
Е. Коротковой ; примечания И. Гуровой]. — Москва : Эксмо,
2025. — 432 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-170593-0

«Мидлмарч» Джордж Элиот — классика викторианской литературы, исследующая жизнь в провинциальном английском городке начала XIX века. Роман повествует о судьбах идеалистичной Доротей Кейсобон и амбициозного врача Лидгейта, чьи мечты и стремления сталкиваются с предрассудками, личными ошибками и ограничениями общества.

Умная, образованная Доротей Кейсобон, вышедшая за пожилого ученого-богослова, все больше разочаровывается в строптивом муже и все сильнее восхищается обаянием его бедного родственника Уилла... Блестящий молодой врач Лидгейт и не подозревает, что стал дичью, на которую ведет изощренную охоту юная красавица Розамонда... Брат Розамонды Фред, легкомысленный прожигатель жизни, все сильнее запутывается в долгах — и даже не замечает чувств доброй подруги Мэри Гарт...

Элиот мастерски раскрывает сложные характеры и поднимает темы любви, брака, социальной реформы и человеческой природы. «Мидлмарч» — это глубокий портрет эпохи, который остается актуальным и вдохновляющим до сих пор.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-170593-0

© Короткова Е.В., перевод на русский язык. Наследник, 2025
© Гурова И.Г., комментарии. Наследник, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

КНИГА ПЯТАЯ

Рука мертвеца

ГЛАВА XLIII

Фигурке этой нет цены. С любовью
Когда-то мастер вырезал ее
Из лучшей кости. Неподвластны моде
Изящество и благородство линий,
Чарующие женственностью вечной.
А вот другая дорогая вещь —
Майолика искуснейшей работы.
Взгляните, как улыбка бесподобна!
Казалось бы, простой фаянс, однако
Украсит он и самый пышный стол.

Доротея редко отлучалась из дому без мужа, но временами ездила в Мидлмарч одна, за покупками или с благотворительной целью, как делают все богатые и небогатые дамы, живущие в окрестностях какого-нибудь города. Под предлогом такой поездки она решила спустя два дня после сцены в тисовой аллее побывать у Лидгейта и узнать, не появились ли у мужа новые симптомы болезни и не расспрашивал ли он о своем состоянии врача. Ей казалось чуть ли не преступным что-то выведывать о муже у постороннего человека, но неведение было страшнее, страшнее потому, что могло толкнуть ее на несправедливый или

жестокий поступок, и это соображение заглушило укоры совести. Она видела, что в сознании мужа произошел перелом: уже на следующий день он начал перестраивать систему выписок и отдал Доротее совершенно новые распоряжения относительно дальнейшей работы: бедняжке предстояло основательно запастись терпением.

Подъезжая часа в четыре к дому доктора на Лоуик-Гейт, она засомневалась, застанет ли его, и пожалела, что заранее ему не написала. Доктора и впрямь не оказалось дома.

— А миссис Лидгейт? — спросила Доротея. Она не была знакома с Розамондой, но сейчас вспомнила, что доктор женат. Миссис Лидгейт была дома.

— Я с ней поговорю, если она позволит. Будьте добры, узнайте, может ли она на несколько минут принять меня... принять миссис Кейсобон?

Слуга отправился с докладом. Сквозь открытое окно донеслись звуки музыки — что-то пропел мужской голос, затем рассыпалось аккордами фортепьяно. Но аккорды внезапно оборвались, после чего вышел слуга и сказал, что миссис Лидгейт очень рада видеть у себя миссис Кейсобон.

Доротея вошла в гостиную. Контраст между хозяйкой и гостьей был весьма характерен для провинции той поры, когда несходство в обычаях разных сословий проявлялось ощутимее, чем сейчас. Знатоки, вероятно, могут сказать, как называлась ткань платья, которое ранней осенью носила Доротея, — тонкая белая шерстяная ткань, мягкая на взгляд и на ощупь. Она всегда казалась только что постиранной, пахла свежей зеленью и была скроена на манер ретонды со старомодными широкими рукавами. И все же, появившись Доротея перед безмолвствующими зрителями в роли Имогены или дочери Катона, ее наряд не вызвал бы недоумения; в ее движениях, осанке были грация и величавость, а широкополая шляпка — удел ее современниц, — обрамлявшая скромно причесанные волосы и правдивые глаза, вполне могла бы заменить тот золотистый головной убор, что именуют нимбом. Для двух зрителей, ожидавших ее в гостиной, миссис Кейсобон представляла больше интереса, чем любая героиня драмы.

Розамонда выделяла ее из простых смертных, причисляя к высшим существам, чья наружность и манеры заслуживают самого пристального внимания; кроме того, Розамонда была довольна, что и миссис Кейсобон представилась возможность обратить на нее внимание. Что толку быть изысканной, если этого не могут оценить знатоки? А поскольку в доме сэра Годвина Розамонда удостоилась высшей похвалы, она не сомневалась в своем успехе у людей знатного происхождения. Доротей со свойственной ей бесхитростной доброжелательностью протянула хозяйке дома руку и с восхищением оглядела хорошенькую молодую миссис Лидгейт, лишь краем глаза заметив стоящего поодаль джентльмена в сюртуке. Джентльмен был слишком поглощен одной из двух присутствующих женщин, чтобы обратить внимание на контраст между ними — контраст, который поразил бы беспристрастного наблюдателя. Обе были высокого роста, у той и у другой — прелестные глаза, но вообразите себе головку Розамонды в дивной короне кос, сплетенных из младенчески белокурых волос, ее голубое платье, элегантный и модный покрой которого взволновал бы любого портного, большой вышитый воротник, стоимость которого нельзя было не оценить, в меру украшенные кольцами пальчики и рассчитанную непринужденность манер — трудоемкую замену простоты.

— Благодарю за позволение прервать ваши занятия, — тут же заговорила Доротей. — Мне бы очень хотелось до отъезда домой повидать мистера Лидгейта, и я надеялась, что, может быть, вы скажете, где его найти, или даже позволите подождать его, если он вскоре должен вернуться.

— Он в новой больнице, — сказала Розамонда. — Не знаю, скоро ли он вернется. Но я могу за ним послать.

— Разрешите мне сходить за доктором? — предложил, выступая вперед, Уилл Ладислав. Он взял шляпу еще до того, как вошла гостя. Доротей вспыхнула от неожиданности, но протянула ему руку, улыбаясь с явной радостью и говоря:

— А я вас не узнала: не ожидала вас здесь встретить.

— Вы разрешите мне сходить в больницу и сказать мистеру Лидгейту, что вы хотите его видеть? — спросил Уилл.

— Я пошлю за ним карету, — возразила Доротея. — Так гораздо проще. Не будете ли вы добры отдать распоряжение кучеру?

Уилл направился к двери, как вдруг Доротея, в чьем воображении мгновенно пронеслось множество воспоминаний, торопливо повернулась к нему и сказала:

— Нет, нет, благодарю. Мне хочется как можно скорей возвратиться домой. Я сама поеду в больницу и поговорю с мистером Лидгейтом. Пожалуйста, простите меня, миссис Лидгейт. Вы были очень добры.

Ее вдруг поглотила какая-то новая мысль, и, выходя из комнаты, она едва ли замечала, что происходит вокруг, едва ли заметила, как Уилл распахнул перед ней дверь и предложил ей руку, чтобы проводить к карете. Она оперлась на его руку, но не сказала ни слова. Уилл был порядком раздосадован и подавлен, но и сам не мог придумать, что сказать. Он молча посадил ее в карету, они попрощались, и Доротея уехала.

Пять минут пути до больницы ушли на совершенно новые для нее размышления. Решение уехать и охватившая ее в тот миг задумчивость были порождены внезапным ощущением, что, сознательно поддерживая дальнейшее знакомство с Уиллом и скрывая это от мужа, она допускает своего рода обман, да и самая поездка к Лидгейту затеяна украдкой. Все это она понимала вполне отчетливо, но еще что-то неприятное смутно тревожило ее. Сейчас, когда она была одна в карете, Доротея как бы вновь услышала мужской голос и аккомпанировавшее ему фортепьяно, на которые не обратила внимания сразу. Значит, Уилл Ладислав навещает миссис Лидгейт в отсутствие ее мужа, с некоторым удивлением подумала она. Правда, ей тут же вспомнилось, что он и ее навещал, стало быть, в таких визитах нет ничего дурного. Но ведь Уилл родственник мистера Кейсобона, Доротея обязана его принимать. И все же, судя по некоторым признакам, мистер Кейсобон был, пожалуй, недоволен этими визитами в его отсутствие. «Я, должно быть, многое неверно понимала», — с грустью подумала Доротея. Слезы хлынули градом, и ей пришлось поспешно их утереть. Огорченная, растерянная, она почувствовала, что дотоле ясный

для нее облик Уилла каким-то образом исказился. Тем временем карета остановилась у ворот больницы. Вскоре Доротея уже расхаживала рядом с Лидгейтом по зеленому больничному двору, и ею снова овладело тревожное волнение, заставившее ее искать этой встречи.

Что до Уилла Ладислава, он тоже был подавлен, но вполне представлял себе — почему. Ему редко приходилось встречаться с Доротеей, а нынешняя встреча к тому же оказалась неудачной. Мало того что Доротея, вопреки обычаю, не была занята только им, она встретила его при обстоятельствах, показывающих, что и он не был всецело занят ею. Обстоятельства этой встречи оттеснили его в чуждый Доротее круг обывателей Мидлмарча. Но виновен ли он в этом? Поселившись в городе, он постарался перезнакомиться с кем только возможно: его положение требовало, чтобы он знал всех и вся. Лидгейт, право же, самый достойный из его здешних знакомцев, а миссис Лидгейт музицирует, да и вообще в ее доме приятно бывать. Так возникла ситуация, при которой наша Диана столь неожиданно наткнулась на своего воздыхателя. Убийственная ситуация. Только ради Доротеи живет он в Мидлмарче — Уилл это прекрасно понимал. В то же время его положение в городе грозило воздвигнуть между ними преграду, более губительную для сохранения взаимного интереса, чем расстояние от Рима до Англии. Сословными предрассудками нетрудно пренебречь, если речь идет о чем-то наподобие высокомерного письма мистера Кейсобона, но предрассудки, как пахучие тела, существуют в двух субстанциях — устойчивой и летучей, они устойчивы, как пирамиды, и неуловимо летучи, как двадцатый отзвук эха или воспоминание об аромате гиацинтов в ночной тьме. А Уилл по складу характера был чувствителен к неуловимому: менее тонкий человек не осознал бы, что в отношении Доротеи к нему впервые вкралась принужденность, и в их молчании, пока он вел ее к карете, сквозил холодок. Возможно, побуждаемый ревностью и злобой, Кейсобон убедил жену, что Уилл уже не принадлежит к их кругу. Черт бы его побрал!

Уилл вернулся в гостиную, взял шляпу и, с раздраженным видом подойдя к хозяйке, уже пересевшей за пяльцы, сказал:

— Заниматься музыкой или стихами можно только до тех пор, пока не помешают. Если разрешите, я зайду на днях, и мы еще поупражняемся над «Lungi dal caro bene»¹.

— Счастлива быть вашей ученицей, — сказала Розамонда. — Но признайтесь: на сей раз помеха оказалась прелестной. Я завидую вашему знакомству с миссис Кейсобон. Что, она очень умна? Судя по виду — да.

— Я, право, об этом не думал, — угрюмо ответил Уилл.

— Точно так же мне ответил Третий, когда я у него спросила, красива ли она. Интересно, о чем думаете вы, господа, в ее присутствии?

— О ней самой, — сказал Уилл, которому вдруг захотелось кольнуть очаровательную миссис Лидгейт. — Когда видишь совершенную женщину, не задумываешься о ее отдельных свойствах... просто чувствуешь ее присутствие.

— Когда Третий поедет в Лоуик, я буду сгорать от ревности, — лукаво улыбаясь, произнесла Розамонда. — Он ко мне охладает.

— По-моему, до сих пор с Лидгейтом ничего такого не произошло. Миссис Кейсобон настолько не похожа на других женщин, что их нельзя с ней сравнивать.

— Вы, я вижу, ее преданный поклонник. Наверное, вы часто видите?

— Нет, — ворчливо ответил Уилл. — Поклонение скорее относится к области теории, чем практики. Правда, сейчас я злоупотребляю практикой... как ни печально, мне придется удалиться.

— Загляните к нам как-нибудь вечером, буду рада вас видеть. Мистер Лидгейт с удовольствием послушает музыку, да и мне приятнее будет музицировать при нем.

Когда муж возвратился домой, Розамонда, подойдя к нему и взяв обеими руками за лацканы сюртука, сказала:

— Мы разучивали арию с мистером Ладиславом, когда приехала миссис Кейсобон. По-моему, он огорчился. Как ты считаешь, может быть, ему не понравилось, что она его у нас застала?

¹ «Вдали от милого» (*ит.*).

Но ведь ты ничуть не ниже его по положению, напротив... хоть он и родня Кейсобонам.

— Да нет, не в этом дело; если он и огорчился, то по другому поводу. Ладислав — нечто вроде цыгана: в нем нет чванства.

— Он превосходный музыкант; но порою не очень любезен. Он тебе нравится?

— Да. По-моему, он славный малый, несколько легковесен, разбрасывается, но симпатичный.

— Знаешь, кажется, он без ума от миссис Кейсобон.

— Бедняга! — воскликнул Лидгейт, улыбнувшись и ущипнув Розамонду за ушки.

Розамонда чувствовала, что начала познавать мир, а главное, сделала открытие — в годы девичества нечто подобное показалось бы ей немыслимым, разве что в трагедиях стародавних времен, — заключавшееся в том, что женщина даже после замужества может завоевывать и поработать мужчин. В ту пору юные британские девицы, не исключая воспитанниц миссис Лемон, мало знали французских авторов, писавших после Расина, а общественная печать еще не озаряла скандальную хронику столь ярким светом, как сейчас. И все же достаточно даже малейших намеков, в особенности намека на осуществимость множества побед, чтобы женское тщеславие, благо досуг неограничен, разбушевалось во всю мощь. Какое наслаждение пленять, восседая на брачном престоле рядом с кронпринцем-мужем (в действительности — тоже подданным), ловить искаженные взгляды пленных, утративших покой... и недурно, чтобы заодно и аппетит! Но сейчас Розамонду больше всего занимал роман с ее кронпринцем, и она жаждала увериться лишь в его покорности. Когда он сказал «Бедняга!», она с игривым любопытством спросила:

— Почему?

— Да ведь когда какая-нибудь из вас, найд, сведет с ума мужчину, на что он способен? Забросит работу и тут же станет коллекционировать долговые счета.

— Ну, уж ты никак не забросил работу. То ты в больнице, то навещаешь пациентов-бедняков, то поглощен очередной ссорой с врачами, а дома тебя не оторвешь от микроскопа и всяких склянок. Они тебе милей меня, признайся.

— Неужели ты настолько нечестолюбива, что будешь довольна, если я навсегда останусь лекарем в Мидлмарче? — сказал Лидгейт, опустив руки на плечи жене и устремив на нее нежный и серьезный взгляд. — Я познакомлю тебя с моим любимым четверостишьем, написанным одним старинным поэтом:

Зачем нам суетные почести милы?
Чтоб быть забытыми? Сколь выше цель — создать
Достойное того, чтобы о нем писать,
Писать достойное прочтения и хвалы.

Вот этого я и хочу, Роза: создать достойное того, чтобы о нем писать, и самому написать о созданном мною. А для этого надо работать, душенька.

— Ну конечно, мне хочется, чтобы ты делал разные открытия. Я буду счастлива, если ты достигнешь высокого положения и мы выберемся из Мидлмарча. Ты не можешь пожаловаться, что я мешаю тебе работать. Но ведь нельзя же жить отшельником. Третий, ты мною недоволен?

— Нет, милая, нет. Я даже слишком доволен.

— А о чем с тобой говорила миссис Кейсобон?

— Расспрашивала о здоровье мужа, больше ничего. Кажется, мы можем ожидать щедрого пожертвования для нашей больницы. По моему, мы будем получать от миссис Кейсобон двести фунтов в год.

ГЛАВА XLIV

Нет, я не буду жаться к берегам,
А в море по звездам направлю путь.

Когда, прогуливаясь среди лавровых кустов во дворе больницы, Доротея услышала от Лидгейта, что у мистера Кейсобона не обнаружено новых болезненных симптомов, если не считать стремления как можно подробней узнать все о своей болезни, она тут же принялась припоминать, не вызвано ли это нездоровое стремление каким-нибудь ее поступком или фразой? Лидгейт, опасаясь

упустить возможность сделать все для достижения своей заветной цели, вдруг сказал:

— Я не знаю, известно ли вам и вашему супругу о нуждах новой больницы? Пожалуй, я покажусь вам эгоистом, затрагивая при подобных обстоятельствах этот предмет, но меня можно извинить. Дело в том, что здешние врачи ведут борьбу против нашей больницы. Мне кажется, подобные проблемы должны вас интересовать. Помнится, когда я имел удовольствие познакомиться с вами в Типтон-Грейндже еще до вашего замужества, вы меня расспрашивали, влияет ли на здоровье бедняков то, что им приходится ютиться в столь жалких жилищах.

— Да, конечно, — загоревшись, сказала Доротея. — Буду очень вам признательна, если вы скажете, чем я могу хоть немного помочь. Я как-то отошла от всех этих забот после замужества. — Она замялась и добавила: — То есть у нас в деревне дома не так уж плохи, а о соседних я не справлялась, будучи поглощена другими делами. Но здесь, в Мидлмарче... вероятно, очень много можно сделать.

— Здесь можно сделать все, — оживленно воскликнул Лидгейт. — И основным полем деятельности стала наша больница, существующая исключительно благодаря стараниям мистера Булстрода, и в немалой степени — его деньгам. Но одному человеку такое предприятие не под силу. Он, разумеется, рассчитывал на помощь. А вместо помощи под нас ведутся гнусные подкопы, злые недоброжелателями.

— Но какие могут быть для этого причины? — с простодушным изумлением спросила Доротея.

— Главным образом и прежде всего — неприязнь к мистеру Булстроду. Половина города готова, не щадя трудов, ставить ему палки в колеса. В этом нелепом мире большинство полагает, что из дела может выйти толк лишь в том случае, если оно затеяно людьми их круга. До приезда сюда я ничего не знал о Булстроде. Я отношусь к нему совершенно беспристрастно и вижу, что у него есть интересные идеи и планы, которые я смогу обратить на пользу общества. Будь у нас побольше образованных людей, считающих, что их вмешательство может способствовать разви-

тию теории и практики медицины, их деятельность не замедлила бы принести плоды. Я в этом убежден. Думаю, что, отказавшись сотрудничать с мистером Булстромом, я пренебрег бы возможностью сделать мою профессию более полезной людям.

— Я совершенно с вами согласна, — сказала Доротея, на которую произвела огромное впечатление вкратце описанная Лидгейтом ситуация. — Но что эти люди имеют против мистера Булстрода? Мой дядюшка с приятнью относится к нему.

— Многим не нравится его религиозность, — уклонился от прямого ответа Лидгейт.

— Ну, тогда он тем более заслуживает поддержки, — сказала Доротея, которой Миддмарч вдруг представился полем битвы добра и зла.

— Говоря откровенно, у них есть и другие резоны: Булстрод — человек деспотичный и довольно необщительный, кроме того, его род занятий сопряжен с некоторыми сложностями, о которых я не имею понятия. Но какое все это имеет отношение к его желанию построить здесь очень нужную людям больницу, подобной которой нет в графстве? Главная придирка наших противников состоит в том, что руководство медицинской частью доверено мне. Я, конечно, рад. Это дает мне возможность поработать не за страх, а за совесть, и я уверен, что мистер Булстрод не раскаивается в своем выборе. Но покамест все свелось к тому, что мои здешние коллеги ополчились на больницу и не только сами отказываются сотрудничать со мной, но стремятся очернить нас в глазах жертвователей.

— Как это мелко! — негодуяще воскликнула Доротея.

— Я полагаю, что за убеждения нужно бороться, иначе, вероятно, ничего не сделаешь. Здешние обыватели вопиюще невежественны. Я ведь хочу только воспользоваться для своих исследований кое-какими возможностями, не выпадающими на долю каждого; но у меня, с их точки зрения, есть непростительные пороки: я слишком молод, я не здешний, да к тому же знаю больше, чем местные уроженцы. И все-таки, поскольку я убежден, что могу изобрести новый, более эффективный метод лечения... могу путем исследований и наблюдений послужить на пользу медицине, я был

бы низким стяжателем, отказавшись использовать эти возможности из соображений личной выгоды. И так как жалованья мне никто платить не собирается, то и в корыстолюбии меня нельзя упрекнуть.

— Я так рада, что вы рассказали мне все это, мистер Лидгейт, — с жаром произнесла Доротейя. — Полагаю, мне удастся вам немного помочь. У меня есть кое-какие средства, и я просто не знаю, как их употребить... мысль об этом меня часто беспокоит. Для столь благородной цели я, несомненно, смогу выделять по двести фунтов в год. Ах, какое это счастье — быть уверенным, что твои знания принесут огромную пользу! Завидую вам, что каждый новый день вы встречаете с этим чувством уверенности. Иные столько трудятся из-за сущих пустяков!

Последние слова она произнесла упавшим голосом. Но тут же добавила уже веселей:

— Очень прошу вас, приезжайте в Лоуик и подробнее ознакомьте нас с делом. Я расскажу об этом мистеру Кейсобону. А сейчас мне нужно спешить домой.

В тот же вечер она рассказала мужу о больнице, добавив, что хотела бы жертвовать по двести фунтов в год, — ее ежегодный доход (в процентах с капитала, закрепленного за Доротеей при вступлении в брак) равнялся семистам фунтам. Мистер Кейсобон не возражал, а лишь заметил вскользь, что, пожалуй, эта сумма непомерно велика, коль скоро существуют и другие благие деяния, но когда Доротейя в своем невежестве заупрямилась, не стал противиться. Сам он равнодушно относился к деньгам и не был скуп. Если порою он и принимал к сердцу денежные вопросы, то не из скарденности, а по какой-нибудь иной причине.

Доротейя сказала ему, что виделась с Лидгейтом, и передала вкратце суть их разговора о больнице. Мистер Кейсобон не задал Доротее ни единого вопроса, но не сомневался, что ездила она узнать, о чем он беседовал с доктором. «Она знает все, что знаю я», — твердил неугомонный внутренний голос; но, узнавая друг о друге все больше и продолжая молчать, они все сильнее отдалялись друг от друга. Кейсобон не верил в любовь жены, а какое одиночество бездоннее, чем одиночество неверия?

ГЛАВА XLV

Людам свойственно превозносить времена предков и обличать дурные нравы наших дней. В чем они, однако же, не могут пресупеть, не призывая на помощь сатиру дней минувших; они клеймят пороки своих времен, изображая пороки времен, восхваляемых ими, что является неопровержимым свидетельством общности пороков и тех и других времен. Таким образом, Гораций, Ювенал и Персей не были провидцами, хотя и кажется, что их творения изобличают наши времена.

*Сэр Томас Браун,
«Pseudodoxia Epidemica»*

Упомянутую Лидгейтом в разговоре с Доротеей обструкцию новой больницы, как и все подобные явления, можно было толковать с самых различных сторон. Доктор считал ее причиной зависть, смешанную с дремучими предрассудками. Мистер Булстрод полагал, что, помимо зависти, большую роль играет стремление обывателей во что бы то ни стало помешать ему лично, вызванное неприязнью к тому деятельному направлению религии, которого он придерживался, стараясь быть его усердным мирским представителем... неприязнью, возникшей на почве не только религиозных разногласий, но и постоянных столкновений чисто житейских интересов. В таком виде обструкция представлялась основателям больницы. Но источники, питающие обструкцию, неисчислимы — испытывая неприязнь, люди не ограничивают себя пределами достоверных знаний, в их распоряжении безбрежные просторы невежественности. То недоброе, что говорилось в Мидлмарче по поводу новой больницы и ее основателей, по большей части было отзвуком какой-то ранее услышанной хулы, ибо волею небес людям свойственно заимствовать чужие взгляды. Впрочем, существовали оттенки, включавшие в себя всю гамму общественных мнений — от изысканной умеренности доктора Минчина до язвительных утверждений миссис Доллоп, владелицы «Пивной кружки» в Мясницком тушике.

Миссис Доллоп, распалая собственными заверениями, все больше убеждалась, что доктор Лидгейт вознамерился морить, а то и просто отравлять своих больничных пациентов, дабы резать их потом без позволения и согласия, ведь «никому не секрет, что он хотел разрезать на куски миссис Гоби, весьма почтенную особу с Парли-стрит, у которой до замужества был свой капитал, находившийся в распоряжении опекуна... нет уж, путный доктор должен понимать, чем больной хворает, еще пока тот жив, и не копать в его потрохах, когда больной помер». Если цель доктора не в этом, миссис Доллоп хотелось бы знать, в чем его цель; впрочем, среди слушателей миссис Доллоп господствовало убеждение, что ее точка зрения спасительный оплот, и, будь он опрокинут, тут же начнется сплошное потрошение тел, знаем, слышали, как Берк и Гар прославились такими штуками, а у нас в Мидлмарче эти страсти ни к чему!

Пусть не подумает читатель, что точка зрения «Пивной кружки» в Мясницком тупике не играла роли для медиков, — в этом почтенном трактире, известном больше под названием «заведение миссис Доллоп», собирался могущественный «Благотворительный клуб», несколько месяцев назад поставивший на голосование вопрос, не следует ли заменить старинного клубного лекаря доктора Гэмбита этим Лидгейтом, так удивительно умеющим исцелять людей и ставить на ноги тех, от кого отступились все другие врачи. Странников кандидатуры Лидгейта оказалось на два меньше, чем ее противников, по каким-то неведомым причинам полагавших, что способность воскрешать людей, почти приговоренных к смерти, достоинство сомнительное и, возможно, противно воле провидения. Впрочем, в течение года в общественном мнении произошла перемена и выражением ее явилось единодушие клиентов миссис Доллоп.

Года полтора назад, когда еще ничего не было известно о врачебном искусстве Лидгейта, о нем судили, руководствуясь особым чутьем, органы которого расположены то ли под ложечкой, то ли в шишковидной железе и ценность коего при скудости достоверных сведений нисколько не умалял тот факт, что чутье это слу-

жило источником весьма разнообразных оценок. Страдавшие от хронических заболеваний, а также те, кто, подобно старику Фезерстоуну, дышали на ладан, были склонны немедленно обратиться к Лидгейту; немало находилось и таких, кто не любил оплачивать счета врачей, и этим людям улыбалась мысль пользоваться в кредит услугами нового доктора и, не задумываясь, посылать за ним всякий раз, когда раскапризничаются детишки, что неизменно вызывало раздражение старых семейных врачей. Представителям всех этих категорий чутье подсказывало, что доктор Лидгейт хороший врач. Некоторые полагали, что он превзошел своих коллег «по части печени», во всяком случае, вреда не будет, если взять у него несколько пузырьков «снадобья», — не поможет, можно снова вернуться к «очистительным пилюлям», которые, правда, не спасают от желтушности, зато не опасны для жизни. Но, разумеется, все эти люди не играли главной роли. Лучшие семьи Мидлмарча не собирались без всяких причин менять врача, а бывшие пациенты мистера Пикока не считали себя обязанными прибегать лишь потому, что он преемник их прежнего лекаря, к услугам незнакомого человека, которому, как утверждали они, «навверняка далеко до Пикока».

Впрочем, прошло немного времени, и личность доктора Лидгейта стала достаточно известна в городе, чтобы возбудить ожидания, гораздо более определенные, чем прежде, и обострить вражду лагерей; к волнующего свойства сведениям о докторе принадлежали и такие, смысл которых совершенно скрыт, их можно уподобить статистическому отчету, приводимому без сравнительных данных, но с восклицательным знаком в конце. Какой ужас объял бы некоторые круги Мидлмарча, если бы там узнали, например, сколько кубических футов кислорода в год поглощает взрослый человек. «Кислород! Да что это, собственно, такое? Неудивительно, что в Данциге уже холера! И после этого утверждают, что карантин ни к чему!»

Так, очень быстро распространились слухи, будто доктор Лидгейт не составляет сам лекарств. Он возмутил и дипломированных врачей, покусившись на их привилегии, и аптекарей; а ведь еще совсем недавно жители Мидлмарча могли рассчитывать,

что закон оградит их от людей, которые, не являясь докторами медицины лондонской выделки, осмелились бы требовать с них деньги за что-нибудь, кроме лекарств. Однако Лидгейт по неопытности не предугадал, что принятая им политика окажется особенно оскорбительной для профанов; и в беседе с мистером Момси, зажиточным бакалейщиком с Топ-Маркет, который, хоть и не был пациентом Лидгейта, как-то принялся вежливо расспрашивать его о странном новшестве, доктор не проявил осмотрительности и весьма кратко и небрежно изложил свои резоны, сообщив, что практикующие врачи унижают себя и наносят постоянный ущерб обществу, если единственным источником оплаты их трудов является составление длинных счетов за порошки, пилюли и микстуры.

— Став на этот путь, добросовестный врач превращается чуть ли не в шарлатана, — довольно легкомысленно заявил Лидгейт. — Дабы снискать себе хлеб насущный, они перекармливают лекарствами королевских вассалов; а это уже государственное преступление, мистер Момси... покушение на нашу конституцию.

Мистер Момси был не только лазутчиком (беседуя с Лидгейтом, он чуть ли не выполнял платное поручение), но и астматиком, а также отцом все возрастающей семьи; иными словами, как с медицинской, так и с собственной точки зрения, он являлся важной персоной; и впрямь, незаурядный бакалейщик: с огненной пирамидальной шевелюрой, всегда готовый в розницу отпустить почтительность особого, задушевного свойства — шутлив, но уважителен, и тактично не обнаруживает в полной мере остроту ума. Дружелюбная шутливость, с которой расспрашивал его мистер Момси, настроила Лидгейта на такой же шутливый лад. Но не следует обманываться чрезмерной понятливостью собеседников; она лишь умножает источники недоразумений, увеличивая цифру расхождений в итогах.

Лидгейт, закончив свою речь, улыбнулся, вставил ногу в стремя, а мистер Момси смеялся гораздо веселей, чем если бы и в самом деле знал, кто такие королевские вассалы, и отпустил свое «всего вам доброго, сэр, всего вам доброго» с видом человека, которому

все ясно. В действительности же он был полностью сбит с толку. В течение многих лет он оплачивал счета по твердо установленному прейскуранту, никогда не сомневаясь, что получит нечто измеримое за каждый выложенный им восемнадцатипенсовик и полукрону. Он это делал с чувством удовлетворения, причисляя к обязанностям мужа и отца и расценивая особенно длинные счета как достойную упоминания привилегию. Помимо той огромной пользы, которую медикаменты приносили «ему лично и его семейству», их употребление позволяло ему судить, гордясь собственной пронизательностью, об эффективности разных лекарств и составить мнение о профессиональных достоинствах мистера Гэмбита, лекаря, стоявшего ступенькой ниже, чем Ренч или Толлер, и ценимого главным образом в качестве акушера; мистер Момси так же сдержанно отзывался о нем, но неизменно добавлял, понизив голос, что в искусстве прописывания лекарств Гэмбит не знает себе равных.

На фоне столь глубокомысленных суждений разглагольствования нового врача казались поверхностными и прозвучали особенно легковесно, будучи пересказаны супруге мистера Момси в расположенной над лавкой гостиной; как многодетная мать, она всегда была окружена вниманием, обычно пользуясь услугами доктора Гэмбита, а порой подвержена приступам, требовавшим вмешательства доктора Минчина.

— Что же он считает, этот мистер Лидгейт, от лекарств нет толку? — спросила миссис Момси, имевшая обыкновение слегка растягивать слова. — Пусть-ка тогда растолкует мне, как бы я продержалась во время ярмарки, если бы еще за месяц не начинала принимать укрепляющее средство. Вы не представляете, сколько мне надо всего наготовить для приезжающих, моя милая. — Тут миссис Момси повернулась к сидящей рядом с ней приятельнице. — Большой пирог с телятиной, шпигованное филе, говядья вырезка, ветчина, язык и так далее, и так далее! Больше всего мне помогает не коричневая, а розовая микстура. Удивляюсь, мистер Момси, как у вас-то, при ваших знаниях, достало терпения все это выслушать. Я-то уж сразу бы ему выложила, что учить меня не стоит.